

A Conan Doyle

АРТУР
КОНАН ДОЙЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

*Издательство АЛЬФА-КНИГА
Москва, 2013*

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5
Д62

ARTHUR CONAN DOYLE
The Adventures of Sherlock Holmes
The Memoirs of Sherlock Holmes

Перевод с английского

В оформлении книги использованы
иллюстрации художника
Сидни Пэджета

Дойл, Артур Конан

Д62 Приключения Шерлока Холмса. Записки о Шерлоке Холмсе.—М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.—473 с.: ил.— (Собрание мировой классики).

ISBN 978-5-9922-1415-4

Сэр Артур Конан Дойл (1859—1930) — классик британской литературы, один из родоначальников детективного жанра. Автор популярных приключенческих, научно-фантастических и исторических произведений, среди которых мировое признание писателю принесла серия о сыщике Шерлоке Холмсе и его верном спутнике докторе Уотсоне.

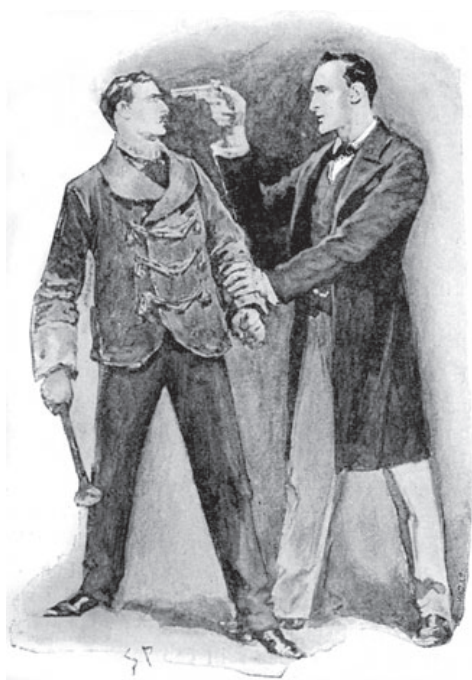
В настоящее издание вошли два сборника рассказов о знаменитом сыщике — «Приключения Шерлока Холмса» (1892 г.) и «Записки о Шерлоке Холмсе» (1893 г.)

УДК 821.161.1
ББК 84.(Англ.)6-5

- © Н. Войтинская. Наследники, 2013
- © М. и Н. Чуковские. Наследники, 2013
- © В. Бабков, 2013
- © К. Савельев, 2013
- © Н. Емельяникова. Наследники, 2013
- © Д. Лившиц. Наследники, 2013
- © В. Штенгель. Наследники, 2013
- © Ю. Жукова, 2013
- © В. Ашкенази, 2013
- © Г. Любимова. Наследники, 2013
- © Н. Вольпин. Наследники, 2013
- © Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1415-4

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе, как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все до-

стижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года, — возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагал из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принял-

ся за работу. Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

— Семь! — возразил я.

— Правда? А мне показалось, немного больше. Чутьочку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

— Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка — большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом,

чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебно-го сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Много.

— Как много?

— Ну, несколько сот раз.

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько ступенек? Понятия не имею!

— Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек — семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валившейся на столе.

— Получена с последней почтой, — сказал он. — Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к вам зайдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о вас мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

— И в самом деле загадочно, — заметил я. — Как вы думаете, что все это значит?

— У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, — значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей тео-

рии, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

— Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами, — сказал я, пытаюсь подражать приемам моего друга. — Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

— Необычайно — самое подходящее слово, — заметил Холмс. — И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «Е» и маленькое «g», затем «Р» и большое «G» с маленьким «t».

— Что вы можете из этого заключить? — спросил Холмс.

— Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

— Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» — это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «Ко». «Р», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Еg». Заглянем в географический справочник Европы... — Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. — Eglow, Eglonitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egria, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? — Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

— Бумага изготовлена в Богемии, — сказал я.

— Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы услышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

— Судя по стуку, парный экипаж... да, — продолжал он, взглянув в окно, — изящная маленькая карета и пара рысаков...

по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

— Может, мне лучше уйти, Холмс?

— Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла?¹ Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

— Но ваш клиент...

— Ничего, ничего. Мне может понадобится ваша помощь и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте..

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью. Кто-то громко и внятно постучал.

— Войдите! — сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

— Вы получили мою записку? — спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент. — Я сообщал, что приеду к вам. — Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо, не зная, к кому обратиться.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Холмс. — Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

— Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, — чело-

---

¹ Б о с у э л л, Джемс (1740—1795) — биограф английского писателя, критика и лексикографа С. Джонсона (1709—1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

век чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

— Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

— Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется втайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

— Даю слово, — сказал Холмс.

— И я тоже.

— Простите, что я в маске, — продолжал странный посетитель. — Августейшее лицо, на службе которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

— Это я заметил, — сухо сказал Холмс.

— Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

— Так я и думал, — пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого проникательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

— Если бы ваше величество соблаговолили изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

— Вы правы, — воскликнул он, — я король! Зачем скрывать?

— Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мною Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

— Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! — сказал наш посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу. — Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чьей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

— Прошу вас, — сказал Холмс, снова закрывая глаза.

— Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверное, знакомо?

— Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, — пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

— Покажите-ка, — сказал Холмс. — Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... Ла Скала, так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Проживает в Лондоне — совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

— Совершенно верно. Но каким образом...

— Вы тайно обвенчались с ней?

— Нет.

— Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

— Ничего.

— В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

— Но мой почерк...

— Пустяки! Почерк легко подделать.

— А почтовая бумага с моим именем?

— Украдена.

— Моя личная печать...

- Снова подделка.
- Моя фотография...
- Куплена.
- Но мы сфотографированы вместе!
- О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.
- Я был без ума от нее.
- Да, фотография — это серьезно.
- Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.
- Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.
- Мы пытались, но нам не удалось.
- Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.
- Она не желает ее продавать.
- Тогда ее надо выкрасть.
- Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды пытались заманить ее в ловушку... Никаких результатов.
- Никаких следов?
- Абсолютно никаких.
- Холмс усмехнулся:
- Любопытная задачка!
- Но для меня это очень серьезно! — с упреком возразил король.
- Еще бы! А для чего ей нужна фотография?
- Чтобы погубить меня.
- Но каким образом?
- Я собираюсь жениться...
- Об этом я слышал.
- ... на Клотильде Лотман фон Саксе-Менинген, второй дочери скандинавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотильда — воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого повела бы к разрыву.
- А Ирен Адлер?
- Она грозит послать им фотографию. И она непременно это сделает! У нее железный характер. Да-да, лицо обаятельнейшей женщины, а душа — как у самого твердого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.
- Вы уверены, что она еще не отослала фотографию?

— Уверен.
— Почему?
— Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда будет объявлено о помолвке. А это намечено на ближайший понедельник.

— О, у нас впереди целых три дня! — зевнул Холмс. — Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами. Вы, конечно, останетесь пока в Лондоне?

— Конечно. Меня можно найти в гостинице «Лэнгхэм». Я остановился под именем графа фон Крамма.

— Я дам вам знать, как подвигается дело.

— Очень прошу вас. Я так волнуюсь!

— А как насчет денег?

— Тратьте, сколько сочтете нужным.

— Без ограничений?

— Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!

— А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.

— Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.

Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.

— Адрес мадемуазель? — спросил он.

— Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

— Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?

— Да.

— А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон, — добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. — Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересова-

ло, как он поведет дело, ибо своеобразие случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг, — с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх — с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной, грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом взглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут от души смеялся.

— Ну и потеха! — воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

— В чем дело?

— Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

— И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

— Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайени-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома — большая, хорошо обставленная гостиная, с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кро-

ме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего интересного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозчичий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера пополам с элем, две щепотки табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях, живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

— Что же вы узнали об Ирен Адлер? — спросил я.

— Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайские конюхи. Живет она тихо, выступает в концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла.¹ Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайских конюшен и знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она — его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная, — едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

— Я внимательно слежу за вашим рассказом, — ответил я.

— Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатила двуколка, и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал.

¹ Иннер-Темпл — одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле — здании, до 1313 года принадлежавшем ордену тамплиеров и получившем от этого свое название.

Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он — как дома.

Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! — крикнул он кучеру. — Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджуэр-роуд. Полгинеи, если доvezете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь Святой Моники, Джон! — крикнула она. — Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кеб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь Святой Моники, — сказал я, — и полсоверена, если доvezете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался в чем дело.

Мой кеб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но, когда мы прибыли на место, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава богу! — вскричал он. — Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» — спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже, с одной стороны, меня благодарит джентльмен, с другой — леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

— Дело приняло неожиданный оборот, — сказал я. — Что же дальше?

— Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она — к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов», — сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

— В чем оно заключается?

— Немного холодного мяса и стакан пива, — ответил Холмс, дергая колокольчик. — Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

— Буду очень рад.

— Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

— Ни в малейшей степени.

— И вас не пугает опасность ареста?

— Ради доброго дела я готов и на это.

— Великолепно!

— Я к вашим услугам.

— Я был уверен, что могу на вас положиться.

— Но что вы задумали?

— Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Я должен кое-что обсудить с вами, — сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой. — Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайени-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

— И что дальше?

— Остальное предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний?

— Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проводят в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

— Хорошо.

— Вы должны наблюдать за мною, я буду у вас на виду.

— Хорошо.

— Когда я подниму руку — вот так, вы бросите в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

— Вполне.

— Тут нет ничего опасного, — сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. — Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих концов капсулями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

— Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

— Совершенно верно.

— Можете на меня положиться.

— Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую

приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр¹. И дело не в том, что Холмс переменял костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука — тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайени-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал против ожидания оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

— Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело, — заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом. — Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попала в глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию?

— Ума не приложу.

— Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

— Где же тогда она ее хранит?

— У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по природе скрытны и сами хранят свои секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-нибудь другого? На себя она может положиться, а где гарантия, что какой-нибудь доверенный устоит перед политическим или иным влиянием? Кроме того, не забудьте, что

---

¹ Хэйр, сэр Джон — английский актер второй половины XIX века.

она хотела пустить в ход фотографию в ближайшие дни. Для этого нужно иметь ее под рукой. Фотография у нее дома.

— Но взломщики два раза перерыли весь дом.

— Чепуха! Они не умеют искать.

— А как вы будете искать?

— Вообще не буду.

— А как же иначе?

— Она сама покажет, где фотография.

— Она откажется.

— Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точности выполняйте мои указания.

Из-за угла показались фонари кареты, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайени-Лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение дама, вышедшая из экипажа, оказалась посреди разгоряченных, дерущихся людей, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ней, вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же бросились бежать в одну сторону, оборванцы — в другую, зато подбежали несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, чтобы защитить даму и оказать помощь раненому. Ирен Адлер — я буду по-прежнему называть ее так — взбежала по ступенькам, но на площадке обернулась; на фоне освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

— Бедный джентльмен сильно ранен? — спросила она.

— Он умер, — раздался голоса.

— Нет, нет, он еще жив! — крикнул кто-то. — Но он умрет, если везти его в больницу.

— Он храбрый малый! — сказала какая-то женщина. — Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!

— Неужели оставить его на улице?.. Вы позволите перенести его в дом, сударыня?

— Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиной, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить — значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов, — подумал я, — мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки — все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

— Вы это ловко проделали, доктор, — заметил Холмс. — Как нельзя лучше. Все в порядке.

— Вы добыли фотографию?

— Нет, но я знаю, где она спрятана.

— А как вы это узнали?

— Она сама мне показала, как я и предсказывал.

— Я ничего не понимаю.

— А я не собираюсь делать из этого тайны, — сказал он, смеясь. — Все очень просто. Вы, наверно, догадались, что все эти зеваки на улице — мои сообщники. Я нанял их на вечер.

— Догадался.

— В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

— Это я тоже понял.

— Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться — что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне — я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

— А чего вы этим добились?

— Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасать то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например, в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватается за шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасать именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвижной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию — я даже увидел краешек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

— Ну а дальше? — спросил я.

— Практически наши розыски закончены. Завтра мы вместе с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать, нанесем Ирен Адлер визит. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, она не найдет ни нас, ни фотографии. Я думаю, что его величеству будет приятно взять фотографию собственными руками.

— Когда вы намерены туда отправиться?

— В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что мы сможем действовать свободно. Кроме того, нельзя терять времени, потому что замужество может совершенно изменить ее образ жизни и планы. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей. Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:

— Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от пробежавшего мимо стройного юноши в длинном пальто.

— Где-то я слышал этот голос, — сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, — но никак не припомню, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

В эту ночь я ночевал на Бейкер-стрит. Утром мы сидели за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

— Вы действительно добыли фотографию?! — воскликнул он, хватая Шерлока Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

— Нет еще.

— Но у вас есть надежда?

— Есть.

— В таком случае едем! Я сгораю от нетерпения.

— Нам нужен кеб.

— Мой экипаж у дверей.

— Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайени-Лодж.

— Ирен Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— За кого?

— За английского адвоката по имени Нортон.

— Но она, конечно, не любит его?

— Надеюсь, что любит.

— Не понимаю.

— Потому что это избавит ваше величество от возможных неприятностей. Если эта дама любит своего мужа, — значит, она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, у нее нет оснований мешать планам вашего величества.

— Верно. И все же... О, как бы я хотел, чтобы она была королевской крови! Какая бы это была королева!

Он вновь погрузился в угрюмую задумчивость и молчал, пока мы не выехали на Серпентайн-авеню.

Двери Брайени-Лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с усмешкой наблюдала, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс? — спросила она.

— Да, я Шерлок Холмс, — ответил мой друг, окинув ее вопрошающим и удивленным взглядом.

— Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром в пять часов пятнадцать минут она уехала со своим мужем с вокзала Чаринг-Кросс. Она едет на континент.

— Что?! — Шерлок Холмс отшатнулся, побледнев от огорчения и неожиданности. — Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— Навсегда.

— А бумаги? — хрипло спросил король. — Неужели все погибло?

— Посмотрим! — Холмс прошел мимо служанки и поспешил в гостиную. Мы с королем следовали за ним. Мебель в комнате была в полнейшем беспорядке, — пустые полки, раскрытые ящики — видно, хозяйка второпях рылась в них перед отъездом.

Холмс бросился к звонку, отодвинул маленькую выдвигающую панель и, засунув в тайник руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирен Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру».

Мой друг разорвал конверт, и мы принялись читать письмо, датированное минувшей ночью:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, вы действительно великолепно все это разыграли и обвели меня вокруг пальца. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, что сама себя выдала, я задумалась. Должна признаться, еще несколько месяцев назад меня предупредили, что король обратится к вам, если решит пригласить сыщика. Мне дали ваш адрес. И все же вы застали меня врасплох и узнали все, что хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, как я могла подумать, что вы явитесь в облике милого старого священника? Но вы знаете, я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Так вот, я приказала кучеру Джону следить за

вами, а сама побежала наверх, надела костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда вы уходили.

Я следовала за вами до вашего дома и убедилась, что мною действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала вам доброй ночи и поехала в Темпл к мужу.

Мы с ним решили, что, если нас преследует такой сильный противник, лучшее спасение — бегство. Поэтому явившись завтра, вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то ваш клиент может быть спокоен: я люблю и любима человеком благороднее его. Король может поступать как ему угодно, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраняю фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля. Я оставляю взамен другую фотографию, которую ему, быть может, приятно будет сохранить, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданной вам Ирен Нортон, урожденной Адлер».

— Что за женщина, что за женщина! — воскликнул король Богемии, когда мы прочитали это послание. — Разве я не говорил, как она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Как жаль, что она не ровня мне.

— Насколько я успел узнать эту даму, мне кажется, она действительно не ровня вашему величеству, — холодно заметил Холмс. — Я сожалею, что не смог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

— Напротив, милостивый государь! — воскликнул король. — Большой удачи трудно было ожидать. Я знаю, что ее слово нерушимо. Мне теперь ничто не грозит, фотография словно бы сгорела.

— Я рад слышать это.

— Я бесконечно обязан вам. Как мне вознаградить вас? Может быть, это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони Холмсу.

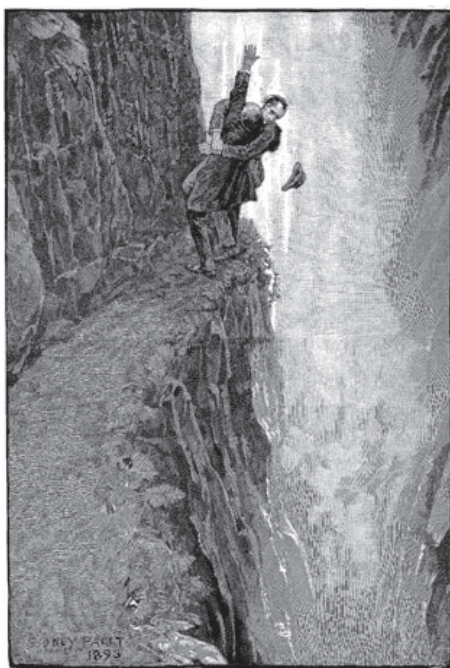
— У вашего величества есть нечто более ценное для меня, — сказал Холмс.

— Вам стоит только назвать...

— Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, — сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорила вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимает его. В настоящее время в центре внимания публики было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, — таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда Холмс вдруг

объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился — я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, — сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы не даром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса, и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запасся в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности об убийстве Джона Стрэкера и исчезновении Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного

полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, — это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря.

— У вас уже есть версия?

— Нет, но я выделил самые существенные факты. Сейчас я вам изложу их. Ведь лучший способ добраться до сути дела — рассказать все его обстоятельства кому-то другому. К тому же вы вряд ли сможете мне помочь, если не будете знать, чем мы сейчас располагаем.

Я откинулся на подушки, дымя сигарой, а Холмс, подавшись вперед и чертя для наглядности по ладони тонким длинным пальцем, стал излагать мне события, заставившие нас предпринять это путешествие.

— Серебряный, — начал он, — сын Самоцвета и Отрады и ничем не уступает своему знаменитому отцу. Сейчас ему пять лет. Вот уже три года, как его счастливому обладателю, полковнику Россу, достаются на скачках все призы. Когда произошло несчастье, Серебряный считался первым фаворитом скачек на кубок Уэссекса; ставки на него заключались три к одному. Он был любимец публики и еще ни разу не подводил своих почитателей. Даже если с ним бежали лучшие лошади Англии, на него всегда ставили огромные суммы. Понятно поэтому, что есть много людей, в интересах которых не допустить появления Серебряного у флага и в будущий вторник. Это, конечно, прекрасно понимали в Кингс-Пайленде, где находится тренировочная конюшня полковника Росса. Фаворита строжайше охраняли. Его тренером был Джон Стрэкер, прослуживший у полковника двенадцать лет, из которых пять лет он был жокеем, пока не стал слишком тяжел для положенного веса. Обязанности свои он всегда выполнял образцово и был преданным слугой. У него было трое помощников, потому что конюшня

маленькая — всего четыре лошади. Ночью один конюх дежурил в конюшне, а другие спали на сеновале. Все трое — абсолютно надежные парни. Джон Стрэкер жил с женой в небольшом коттедже, ярдах в двухстах от конюшни. Платил ему полковник хорошо, детей у них нет, убирает в доме и стирает служанка. Местность вокруг Кингс-Пайленда пустынная, только к северу на расстоянии полумили каким-то подрядчиком из Тавистока выстроено несколько вилл для больных и вообще желающих подышать целебным дартмурским воздухом. Сам Тависток находится на западе, до него две мили, а по другую сторону равнины, тоже на расстоянии двух миль, расположен Кейплтон — усадьба лорда Бэкуотера, где также имеется конюшня. Лошадей там больше, чем в Кингс-Пайленде; управляющим служит Сайлес Браун. Вокруг на много миль тянутся поросшие кустарником пустоши, совершенно необитаемые, если не считать цыган, которые время от времени забредают сюда. Вот обстановка, в которой в ночь с понедельника на вторник разыгралась драма.

Накануне вечером, как обычно, лошадей тренировали и купали, а в девять часов конюшню заперли. Двое конюхов пошли в домик тренера, где их в кухне накормили ужином, а третий — Нэд Хантер — остался дежурить в конюшне. В начале десятого служанка — ее зовут Эдит Бакстер — понесла ему ужин — баранину с чесночным соусом. Никакого питья она не взяла, потому что в конюшне имеется кран, а пить что-нибудь, кроме воды, ночному сторожу не разрешается. Девушка зажгла фонарь, — уже совсем стемнело, а тропинка к конюшне шла сквозь заросли дрока. Ярдах в тридцати от конюшни перед Эдит Бакстер возник из темноты человек и крикнул, чтобы она подождала. В желтом свете фонаря она увидела мужчину — по виду явно джентльмена — в сером твидовом костюме и фуражке, в гетрах и с тяжелой тростью в руках. Он был очень бледен и сильно нервничал. Лет ему, она решила, тридцать — тридцать пять.

— Вы не скажете мне, где я нахожусь? — спросил он девушку. — Я уж решил, что придется ночевать в поле, и вдруг увидел свет вашего фонаря.

— Вы в Кингс-Пайленде, возле конюшни полковника Росса, — отвечала ему девушка.

— Неужели? Какая удача! — воскликнул он. — Один из конюхов, кажется, всегда ночует в конюшне, да? А вы, наверное,

несете ему ужин? Вы ведь не такая гордая, правда, и не откажетесь от нового платья?

Он вынул из кармана сложенный листок бумаги.

— Передайте это сейчас конюху, и у вас будет самое нарядное платье, какое только можно купить за деньги.

Волнение незнакомца испугало девушку, она бросилась к оконцу, через которое всегда подавала конюху ужин. Оно было уже открыто, Хантер сидел возле за столиком. Только служанка открыла рот, чтобы рассказать ему о случившемся, как незнакомец снова оказался рядом.

— Добрый вечер, — проговорил он, заглядывая в окошко. — У меня к вам дело.

Девушка клянется, что, произнося эти слова, он сжимал в руке какую-то бумажку.

— Какое у вас ко мне может быть дело? — сердито спросил конюх.

— Дело, от которого и вам может кое-что перепасть. Две ваши лошади. Серебряный и Баярд, участвуют в скачках на кубок Уэссекса. Ответьте мне на несколько вопросов, и я не останусь в долгу. Правда, что вес, который несет Баярд, позволяет ему обойти Серебряного на сто ярдов в забеге на пять ферлонгов и что вы сами ставите на него?

— Ах, вот вы кто! — закричал конюх. — Сейчас я покажу вам, как мы встречаем шпионов!

Он побежал спустить собаку. Служанка бросилась к дому, но на бегу оглянулась и увидела, что незнакомец просунул голову в окошко. Когда через минуту Хантер выскочил из конюшни с собакой, то его уже не было, и хотя они обежали все здания и пристройки, никаких следов не обнаружили.

— Стойте! — перебил я Холмса. — Когда конюх выбежал с собакой во двор, он оставил дверь конюшни открытой?

— Прекрасно, Уотсон, прекрасно! — улыбнулся мой друг. — Это обстоятельство показалось мне столь существенным, что я вчера даже запросил об этом Дартмур телеграммой. Так вот, дверь конюх запер. А окошко, оказывается, очень узкое, человек сквозь него не пролезет. Когда другие конюхи вернулись после ужина, Хантер послал одного рассказать обо всем тренеру. Стрэкер встревожился, но большого значения случившемуся как будто не придавал. Впрочем, смутная тревога все-таки не оставляла его, потому что, проснувшись в час ночи, миссис Стрэкер увидела, что муж одевается. Он объяснил ей, что беспокоится за лошадей и хочет посмотреть, все ли в порядке. Она

умоляла его не ходить, потому что начался дождь, — она слышала, как он стучит в окно, — но Стрэкер накинул плащ и ушел. Миссис Стрэкер проснулась снова в семь утра. Муж еще не возвращался. Она поспешно оделась, кликнула служанку и пошла в конюшню. Дверь была отворена, Хантер сидел, уронив голову на стол, в состоянии полного беспамьятства, денник фаворита был пуст, нигде никаких следов тренера. Немедленно разбудили ночевавших на сеновале конюхов. Ребята они молодые, спят крепко, ночью никто ничего не слышал. Хантер был, по всей видимости, под действием какого-то очень сильного наркотика. Так как толку от него добиться было нельзя, обе женщины оставили его отсыпаться, а сами побежали искать пропавших. Они все еще надеялись, что тренер из каких-то соображений вывел жеребца на раннюю прогулку. Поднявшись на бугор за коттеджем, откуда было хорошо видно кругом, они не заметили никаких следов фаворита, зато в глаза им бросилась одна вещь, от которой у них сжалось сердце в предчувствии беды.

Примерно в четверти мили от конюшни на куст дрока был брошен плащ Стрэкера, и ветерок трепал его полы. Подбежав к кусту, женщины увидели за ним небольшой овражек и на дне его труп несчастного тренера. Голова была разможжена каким-то тяжелым предметом, на бедре рана — длинный тонкий порез, нанесенный, без сомнения, чем-то чрезвычайно острым. Все говорило о том, что Стрэкер отчаянно защищался, потому что его правая рука сжимала маленький нож, по самую рукоятку в крови, а левая — красный с черным шелковый галстук, тот самый галстук, который, по словам служанки, был на знаменце, появившемся накануне вечером у конюшни. Очнувшись, Хантер подтвердил, что это галстук незнакомца. Он также не сомневался, что незнакомец подсыпал ему что-то в баранину, когда стоял у окна, и в результате конюшня осталась без сторожа. Что касается пропавшего Серебряного, то многочисленные следы в грязи, покрывавшей дно роковой впадины, указывали на то, что он был тут во время борьбы. Но затем он исчез. И хотя за сведения о нем полковник Росс предлагает огромное вознаграждение и все кочующие по Дартмуру цыгане допрошены, до сих пор о Серебряном нет ни слуху ни духу. И наконец, вот еще что: анализ остатков ужина Хантера показал, что в еду была подсыпана большая доза опиума, между тем все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели в тот вечер то же самое блюдо, и ничего дурного с ними не произошло. Вот основ-

ные факты, очищенные от наслоения домыслов и догадок, которыми обросло дело. Теперь я расскажу вам, какие шаги предприняла полиция. Инспектор Грегори, которому поручено дело, — человек энергичный. Одари его природа еще и воображением, он мог бы достичь вершин сысского искусства. Прибыв на место происшествия, он очень быстро нашел и арестовал человека, на которого, естественно, падало подозрение. Найти его не составило большого труда, потому что он был хорошо известен в округе. Имя его — Фицрой Симпсон. Он хорошего рода, получил прекрасное образование, но все свое состояние проиграл на скачках. Последнее время жил тем, что мирно занимался букмекерством в спортивных лондонских клубах. В его записной книжке обнаружили несколько пари до пяти тысяч фунтов против фаворита. Когда его арестовали, он признался, что приехал в Дартмур в надежде раздобыть сведения о лошадях Кингс-Пайленда и о втором фаворите, жеребце Бронзовом, находящемся на попечении Сайлеса Брауна в кейплтонской конюшне. Он и не пытался отрицать, что в понедельник вечером был в Кингс-Пайленде, однако уверяет, что ничего дурного не замышлял, хотел только получить сведения из первых рук. Когда ему показали галстук, он сильно побледнел и совершенно не мог объяснить, как галстук оказался в руке убитого. Мокрая одежда Симпсона доказывала, что ночью он попал под дождь, а его суковатая трость со свинцовым набалдашником вполне могла быть тем самым оружием, которым тренеру были нанесены эти ужасные раны. С другой стороны, на нем самом нет ни царапины, а ведь окровавленный нож Стрэкера — неопровержимое доказательство, что по крайней мере один из нападавших на него бандитов пострадал. Вот, собственно, и все, и если вы сможете мне помочь, Уотсон, я буду вам очень признателен.

Я с огромным интересом слушал Холмса, изложившего мне обстоятельства этого дела со свойственной ему ясностью и последовательностью. Хотя все факты были мне уже известны, я не мог установить между ними ни связи, ни зависимости.

— А не может ли быть, — предположил я, — что Стрэкер сам нанес себе рану во время конвульсий, которыми сопровождается повреждение лобных долей головного мозга.

— Вполне возможно, — сказал Холмс. — Если так, то обвиняемый лишается одной из главных улик, свидетельствующих в его пользу.

— И все-таки, — продолжал я, — я никак не могу понять гипотезу полиции.

— Боюсь, в этом случае против любой гипотезы можно найти очень веские возражения. Насколько я понимаю, полиция считает, что Фицрой Симпсон подсыпал опиум в ужин Хантера, отпер конюшню ключом, который он где-то раздобыл, и увел жеребца, намереваясь, по всей видимости, похитить его. Уздечки в конюшне не нашли — Симпсон, вероятно, надел ее на лошадь. Оставив дверь незапертой, он повел ее по тропинке через пустошь, и тут его встретил или догнал тренер. Началась драка, Симпсон проломил тренеру череп тростью, сам же не получил и царапины от ножичка Стрэкера, которым тот пытался защищаться. Потом вор увел лошадь и где-то спрятал ее, или, может быть, лошадь убежала, пока они дрались, и теперь бродит где-то по пустоши. Вот как представляет происшедшее полиция, и, как ни маловероятна эта версия, все остальные кажутся мне еще менее вероятными. Как только мы прибудем в Дартмур, я проверю ее, — иного способа сдвинуться с мертвой точки я не вижу.

Начинало вечереть, когда мы подъехали к Тавистоку — маленькому городку, торчащему, как яблоко на щите, в самом центре обширного Дартмурского плоскогорья. На платформе нас встретили высокий блондин с львиной гривой, пышной бородой и острым взглядом голубых глаз и невысокий элегантно одетый джентльмен, энергичный, с небольшими холеными баками и моноклем. Это были инспектор Грегори, чье имя приобретало все большую известность в Англии, и знаменитый спортсмен и охотник полковник Росс.

— Я очень рад, что вы приехали, мистер Холмс, — сказал полковник, здороваясь. — Инспектор сделал все возможное, но, чтобы отомстить за гибель несчастного Стрэкера и найти Серебряного, я хочу сделать и невозможное.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Холмс.

— Увы, результаты расследования пока оставляют желать лучшего, — сказал инспектор. — Вы, конечно, хотите поскорее увидеть место происшествия. Поэтому едем, пока не стемнело, поговорим по дороге. Коляска нас ждет.

Через минуту удобное, изящное ландо катило нас по улицам старинного живописного городка. Инспектор Грегори с увлечением делился с Холмсом своими мыслями и соображениями; Холмс молчал, время от времени задавая ему вопросы. Полковник Росс в разговоре участия не принимал, он сидел, откинув-

шись на спинку сиденья, скрестив руки на груди и надвинув шляпу на лоб. Я с интересом прислушивался к разговору двух детективов: версию, которую излагал сейчас Грегори, я уже слышал от Холмса в поезде.

— Петля вот-вот затянется вокруг шеи Фицроя Симпсона, — заключил Грегори. — Я лично считаю, что преступник он. С другой стороны, нельзя не признать, что все улики против него косвенные и что новые факты могут опровергнуть наши выводы.

— А нож Стрэкера?

— Мы склонились к выводу, что Стрэкер сам себя ранил, падая.

— Мой друг Уотсон высказал такое же предположение по пути сюда. Если так, это обстоятельство оборачивается против Симпсона.

— Разумеется. У него не нашли ни ножа, ни хотя бы самой пустяковой царапины на теле. Но улики против него, конечно, очень сильные. Он был в высшей степени заинтересован в исчезновении фаворита; никто, кроме него, не мог отравить конюха, ночью он попал где-то под сильный дождь, он был вооружен тяжелой тростью, и, наконец, его галстук был зажат в руке покойного. Улик, по-моему, достаточно, чтобы начать процесс.

Холмс покачал головой.

— Неглупый защитник не оставит от доводов обвинения камня на камне, — заметил он. — Зачем Симпсону нужно было выводить лошадь из конюшни? Если он хотел что-то с ней сделать, почему не сделал этого там? А ключ — разве у него нашли ключ? В какой аптеке продали ему порошок опиума? И наконец, где Симпсон, человек, впервые попавший в Дартмур, мог спрятать лошадь, да еще такую, как Серебряный? Кстати, что он говорит о бумажке, которую просил служанку передать конюху?

— Говорит, это была банкнота в десять фунтов. В его кошельке действительно такую банкноту нашли. Что касается всех остальных ваших вопросов, ответить на них вовсе не так сложно, как вам кажется. Симпсон в этих краях не впервые — летом он дважды приезжал в Тависток. Опиум он скорее всего привез из Лондона. Ключ, отперев конюшню, выкинул. А лошадь, возможно, лежит мертвая в одной из заброшенных шахт.

— Что он сказал о галстuke?

— Признался, что галстук его, но твердит, что потерял его где-то в тот вечер. Но тут выяснилось еще одно обстоятельство,

которое как раз и может объяснить, почему он увел лошадь из конюшни.

Холмс насторожился.

— Мы установили, что примерно в миле от места убийства ночевал в ночь с понедельника на вторник табор цыган. Утром они снялись и ушли. Так вот, если предположить, что у Симпсона с цыганами был стговор, то напрашивается вывод, что именно к ним он и вел коня, когда его повстречал тренер, и что сейчас Серебряный у них, не так ли?

— Вполне вероятно.

— Плоскогорье сейчас прочесывается в поисках этих цыган. Кроме того, я осмотрел все конюшни и сараи в радиусе десяти миль от Тавистока.

— Тут ведь поблизости есть еще одна конюшня, где содержат скаковых лошадей?

— Совершенно верно, и это обстоятельство ни в коем случае не следует упускать из виду. Поскольку их жеребец Беспечный — второй претендент на кубок Уэссекса, исчезновение фаворита было его владельцу тоже очень выгодно. Известно, что, во-первых, кейплтонский тренер Сайлес Браун заключил несколько крупных пари на этот забег и что, во-вторых, дружбы с беднягой Стрэкером он никогда не водил. Мы, конечно, осмотрели его конюшню, но не обнаружили ничего, указывающего на причастность кейплтонского тренера к преступлению.

— И ничего, указывающего на связь Симпсона с кейплтонской конюшней?

— Абсолютно ничего.

Холмс уселся поглубже, и разговор прервался. Через несколько минут экипаж наш остановился возле стоящего у дороги хорошенького домика из красного кирпича, с широким выступающим карнизом. За ним, по ту сторону загона, виднелось строение под серой черепичной крышей. Вокруг до самого горизонта тянулась волнистая равнина, буро-золотая от желтеющего папоротника, только далеко на юге подымались островерхие крыши Тавистока да к западу от нас стояло рядом несколько домиков кейплтонской конюшни. Мы все выпрыгнули из коляски, а Холмс так и остался сидеть, глядя прямо перед собой, поглощенный какими-то своими мыслями. Только когда я тронул его за локоть, он вздрогнул и стал вылезать.

— Простите меня, — обратился он к полковнику Россу, который глядел на моего друга с недоумением, — простите меня, я задумался.

По блеску его глаз и волнению, которое он старался скрыть, я догадался, что он близок к разгадке, хотя и не представлял себе хода его мыслей.

— Вы, наверное, хотите первым делом осмотреть место происшествия, мистер Холмс? — предположил Грегори.

— Мне хочется побыть сначала здесь и уточнить несколько деталей. Стрэкера потом принесли сюда, не так ли?

— Да, он лежит сейчас наверху.

— Он служил у вас несколько лет, полковник?

— Я всегда был им очень доволен.

— Карманы убитого, вероятно, осмотрели, инспектор?

— Все вещи в гостиной. Если хотите, можете взглянуть.

— Да, благодарю вас.

В гостиной мы сели вокруг стоящего посреди комнаты стола. Инспектор отпер сейф и разложил перед нами его содержимое: коробка восковых спичек, огарок свечи длиной в два дюйма, трубка из корня вереска, кожаный кисет и в нем полунции плиточного табаку, серебряные часы на золотой цепочке, пять золотых соверенов, алюминиевый наконечник для карандаша, какие-то бумаги, нож с ручкой из слоновой кости и очень тонким негнушимся стальным лезвием, на котором стояла марка «Вайс и К°, Лондон».

— Очень интересный нож, — сказал Холмс, внимательно разглядывая его. — Судя по засохшей крови, это и есть тот самый нож, который нашли в руке убитого. Что вы о нем скажете, Уотсон? Такие ножи по вашей части.

— Это хирургический инструмент, так называемый катарактальный нож.

— Так я и думал. Тончайшее лезвие, предназначенное для тончайших операций. Не странно ли, что человек, отправляющийся защищаться от воров, захватил его с собой, — особенно если учесть, что нож не складывается?

— На кончик был надет кусочек пробки, мы его нашли возле трупа, — объяснил инспектор. — Жена Стрэкера говорит, нож лежал у них несколько дней на комодe, и, уходя ночью, Стрэкер взял его с собой. Оружие не ахти какое, но, вероятно, ничего другого у него под рукой в тот момент не было.

— Вполне возможно. Что это за бумаги?

— Три оплаченных счета за сено. Письмо полковника Росса с распоряжениями. А это счет на тридцать семь фунтов пятнадцать шиллингов от портнихи, мадам Лезерье с Бондстрит, на имя Уильяма Дербишира. Миссис Стрэкер говорит, что Дерби-

шир — приятель ее мужа и что время от времени письма для него приходили на их адрес.

— У миссис Дербишир весьма дорогие вкусы, — заметил Холмс, просматривая счет. — Двадцать две гиней за один туалет многовато. Ну что ж, тут как будто все, теперь отправимся на место преступления.

Мы вышли из гостиной, и в этот момент стоящая в коридоре женщина шагнула вперед и тронула инспектора за рукав. На ее бледном, худом лице лежал отпечаток пережитого ужаса.

— Нашли вы их? Поймали? — Голос ее сорвался.

— Пока нет, миссис Стрэкер. Но вот только что из Лондона приехал мистер Холмс, и мы надеемся с его помощью найти преступников.

— По-моему, мы с вами не так давно встречались, миссис Стрэкер, — помните, в Плимуте, на банкете? — спросил Холмс.

— Нет, сэр, вы ошибаетесь.

— В самом деле? А мне показалось, это были вы. На вас было стального цвета шелковое платье, отделанное страусовыми перьями.

— У меня никогда не было такого платья, сэр!

— А-а, значит, я обознался. — И, извинившись, Холмс последовал за инспектором во двор.

Несколько минут ходьбы по тропинке среди кустов привели нас к оврагу, в котором нашли труп. У края его рос куст дрока, на котором в то утро миссис Стрэкер и служанка заметили плащ убитого.

— Ветра в понедельник ночью не было, — сказал Холмс.

— Ветра — нет, но шел сильный дождь.

— В таком случае плащ не был заброшен ветром на куст, его кто-то положил туда.

— Да, он был аккуратнo сложен.

— А знаете, это очень интересно! На земле много следов. Я вижу, с понедельника здесь побывало немало народу.

— Мы вставали только на рогожу. Она лежала вот здесь, сбоку.

— Превосходно.

— В этой сумке ботинок, который был в ту ночь на Стрэкере, ботинок Фицроя Симпсона и подкова Серебряного.

— Дорогой мой инспектор, вы превзошли самого себя!

Холмс взял сумку, спустился в яму и подвинул рогожу ближе к середине. Потом улегся на нее и, подперев руками подбородок, принялся внимательно изучать истоптанную глину.

— Ага! — вдруг воскликнул он. — Это что?

Холмс держал в руках восковую спичку, покрытую таким слоем грязи, что с первого взгляда ее можно было принять за сучок.

— Не представляю, как я проглядел ее, — с досадой сказал инспектор.

— Ничего удивительного! Спичка была втоптана в землю. Я заметил ее только потому, что искал.

— Как! Вы знали, что найдете здесь спичку?

— Я не исключал такой возможности.

Холмс вытащил ботинки из сумки и стал сравнивать подошвы со следами на земле. Потом он выбрался из ямы и пополз, раздвигая кусты.

— Боюсь, больше никаких следов нет, — сказал инспектор. — Я все здесь осмотрел самым тщательным образом. В радиусе ста ярдов.

— Ну что ж, — сказал Холмс, — я не хочу быть невежливым и не стану еще раз все осматривать. Но мне бы хотелось, пока не стемнело, побродить немного по долине, чтобы лучше ориентироваться здесь завтра. Подкову я возьму себе в карман на счастье.

Полковник Росс, с некоторым нетерпением следивший за спокойными и методичными действиями Холмса, взглянул на часы.

— А вы, инспектор, пожалуйста, пойдете со мной. Я хочу с вами посоветоваться. Меня сейчас волнует, как быть со списками участников забега. По-моему, наш долг перед публикой — вычеркнуть оттуда имя Серебряного.

— Ни в коем случае! — решительно возразил Холмс. — Пусть остается.

Полковник поклонился.

— Я чрезвычайно благодарен вам за совет, сэр. Когда закончите свою прогулку, найдете нас в домике несчастного Стрэкера, и мы вместе вернемся в Тависток.

Они направились к дому, а мы с Холмсом медленно пошли вперед. Солнце стояло над самыми крышами кейплтонской конюшни; перед нами полого спускалась к западу равнина, то золотистая, то красновато-бурая от осенней ежевики и папоротника. Но Холмс, погруженный в глубокую задумчивость, не замечал прелести пейзажа.

— Вот что, Уотсон, — промолвил он наконец, — мы пока оставим вопрос, кто убил Стрэкера, и будем думать, что прои-

зошло с лошадей. Предположим, Серебряный в момент преступления или немного позже ускакал. Но куда? Лошадь очень привязана к человеку. Предоставленный самому себе, Серебряный мог вернуться в Кингс-Пайленд или убежать в Кейплтон. Что ему делать одному в поле? И уж, конечно, кто-нибудь да увидел бы его там. Теперь цыгане, — зачем им было красть его? Они чуть что прослышат — спешат улизнуть: полиции они боятся хуже чумы. Надежды продать такую лошадь, как Серебряный, у них нет. Украсть ее — большой риск, а выгоды — никакой. Это вне всякого сомнения.

— Где же тогда Серебряный?

— Я уже сказал, что он или вернулся в Кингс-Пайленд, или поскакал в Кейплтон. В Кингс-Пайленде его нет. Значит, он в Кейплтоне. Примем это за рабочую гипотезу и посмотрим, куда она нас приведет. Земля здесь, как заметил инспектор, высохла и стала тверже камня, но местность слегка понижается к Кейплтону, и в той лощине ночью в понедельник, наверное, было очень сыро. Если наше предположение правильно, Серебряный скакал в этом направлении, и нам нужно искать его следы.

Беседуя, мы быстро шли вперед и через несколько минут спустились в лощину. Холмс попросил меня обойти ее справа, а сам взял левее, но не успел я сделать и пятидесяти шагов, как он закричал мне и замахал рукой. На мягкой глине у его ног виднелся отчетливый конский след. Холмс вынул из кармана подкову, которая как раз пришлась по отпечатку.

— Вот что значит воображение, — улыбнулся Холмс. — Единственное качество, которого недостает Грегори. Мы представили себе, что могло бы произойти, стали проверять предположение, и оно подтвердилось. Идем дальше.

Мы перешли хлюпающее под ногами дно лощинки и с четверть мили шагали по сухому жесткому дерну. Снова начался небольшой уклон, и снова мы увидели следы, потом они исчезли и появились только через полмили, совсем близко от Кейплтона. Увидел их первым Холмс — он остановился и с торжеством указал на них рукой. Рядом с отпечатками копыт на земле виднелись следы человека.

— Сначала лошадь была одна! — вырвалось у меня.

— Совершенно верно, сначала лошадь была одна. Стойте! А это что?

Двойные следы человека и лошади резко повернули в сторону Кингс-Пайленда. Холмс свистнул. Мы пошли по следам.

Он не поднимал глаз от земли, но я повернул голову вправо и с изумлением увидел, что эти же следы шли в обратном направлении.

— Один ноль в вашу пользу, Уотсон, — сказал Холмс, когда я указал ему на них, — теперь нам не придется делать крюк, который привел бы нас туда, где мы стоим. Пойдемте по обратному следу.

Нам не пришлось идти далеко. Следы кончились у асфальтовой дорожки, ведущей к воротам Кейплтона. Когда мы подошли к ним, нам навстречу выбежал конюх.

— Идите отсюда! — закричал он. — Нечего вам тут делать.

— Позвольте только задать вам один вопрос, — сказал Холмс, засовывая указательный и большой пальцы в карман жилета. — Если я приду завтра в пять часов утра повидать вашего хозяина мистера Сайлеса Брауна, это будет не слишком рано?

— Скажете тоже, «рано», сэр. Мой хозяин подымается ни свет ни заря. Да вот и он сам, поговорите с ним. Нет-нет, сэр, он прогонит меня, если увидит, что я беру у вас деньги. Лучше потом.

Только Шерлок Холмс опустил в карман полкроны, как из калитки выскочил немолодой мужчина свирепого вида с хлыстом в руке и закричал:

— Это что такое, Даусон? Сплетничаете, да? У вас дела, что ли, нет? А вы какого черта здесь шляетесь?

— Чтобы побеседовать с вами, дорогой мой сэр. Всего десять минут, — нежнейшим голосом проговорил Холмс.

— Некогда мне беседовать со всякими проходимцами! Здесь не место посторонним! Убирайтесь, а то я сейчас спущу на вас собаку.

Холмс нагнулся к его уху и что-то прошептал. Мистер Браун вздрогнул и покраснел до корней волос.

— Ложь! — закричал он. — Гнусная, наглая ложь!

— Отлично! Ну что же, будем обсуждать это прямо здесь, при всех, или вы предпочитаете пройти в дом?

— Ладно, идемте, если хотите.

Холмс улыбнулся:

— Я вернусь через пять минут, Уотсон. К вашим услугам, мистер Браун.

Вернулся он, положим, через двадцать пять минут, и, пока я его ждал, теплые краски вечера погасли. Тренер тоже вышел с Холмсом, и меня поразила происшедшая с ним перемена: лицо

у него стало пепельно-серое, лоб покрылся каплями пота, хлыст прыгал в трясущихся руках. Куда девалась наглая самоуверенность этого человека! Он семенил за Холмсом, как побитая собака.

— Я все сделаю, как вы сказали, сэр. Все ваши указания будут выполнены, — повторял он.

— Вы знаете, чем грозит слушание. — Холмс повернул к нему голову, и тот съезжился под его взглядом.

— Что вы, что вы, сэр! Доставлю к сроку. Сделать все, как было раньше?

Холмс на минуту задумался, потом рассмеялся:

— Не надо, оставьте, как есть. Я вам напишу. И смотрите, без плутовства, иначе...

— О, верьте мне, сэр, верьте!

— Берегите как зеницу ока.

— Да, сэр, можете на меня положиться, сэр.

— Думаю, что могу. Завтра получите от меня указания.

И Холмс отвернулся, не замечая протянутой ему дрожащей руки. Мы зашагали к Кингс-Пайденду.

— Такой великолепной смеси наглости, трусости и подлости, как у мистера Сайлеса Брауна, я давно не встречал, — сказал Холмс, устало шагая рядом со мной по склону.

— Значит, лошадь у него?

— Он сначала на дыбы взвился, отрицая все. Но я так подробно описал ему утро вторника, шаг за шагом, что он поверил, будто я все видел собственными глазами. Вы, конечно, обратили внимание на необычные, как будто обрубленные носки у следов и на то, что на нем были именно такие ботинки. Кроме того, для простого слуги это был бы слишком дерзкий поступок... Я рассказал ему, как он, встав по обыкновению первым и войдя в загон, увидел в поле незнакомую лошадь, как он подошел к ней и, не веря собственным глазам, увидел у нее на лбу белую отметину, из-за которой она и получила свою кличку — Серебряный, и как сообразил, что судьба отдает в его руки единственного соперника той лошади, на которую он поставил большую сумму. Потом я рассказал ему, что первым его побуждением было отвести Серебряного в Кингс-Пайленд, но тут дьявол стал нашептывать ему, что так легко увести лошадь и спрятать, пока не кончатся скачки, и тогда он повернул к Кейплтону и укрыл ее там. Когда он все это услышал, он стал думать только о том, как спасти собственную шкуру.

— Да ведь конюшню осматривали!

— Ну, этот старый барышник обведет вокруг пальца кого угодно.

— А вы не боитесь оставлять лошадь в его руках? Он же с ней может что-нибудь сделать, ведь это в его интересах.

— Нет, мой друг, он в самом деле будет беречь ее как зеницу ока. В его интересах вернуть ее целой и невредимой. Это единственное, чем он может заслужить прощение.

— Полковник Росс не произвел на меня впечатления человека, склонного прощать врагам!

— Дело не в полковнике Россе. У меня свои методы, и я рассказываю ровно столько, сколько считаю нужным, — в этом преимущество моего неофициального положения. Не знаю, заметили ли вы или нет, Уотсон, но полковник держался со мной немного свысока, и мне хочется слегка позабавиться. Не говорите ему ничего о Серебряном.

— Конечно, не скажу, раз вы не хотите.

— Но все это пустяки по сравнению с вопросом, кто убил Джона Стрэкера.

— Вы сейчас им займетесь?

— Напротив, мой друг, мы с вами вернемся сегодня ночным поездом в Лондон.

Слова Холмса удивили меня. Мы пробыли в Дартмуре всего несколько часов, он так успешно начал распутывать клубок и вдруг хочет все бросить. Я ничего не понимал. До самого дома тренера мне не удалось вытянуть из Холмса ни слова. Полковник с инспектором дожидались нас в гостиной.

— Мой друг и я возвращаемся ночным поездом в Лондон, — заявил Холмс. — Приятно было подышать прекрасным воздухом Дартмура.

Инспектор широко раскрыл глаза, а полковник скривил губы в презрительной усмешке.

— Значит, вы сложили оружие. Считаете, что убийцу несчастного Стрэкера арестовать невозможно, — сказал он.

— Боюсь, что это сопряжено с очень большими трудностями. — Холмс пожал плечами. — Но я совершенно убежден, что во вторник ваша лошадь будет бежать, и прошу вас предупредить жокея, чтобы он был готов. Могу я взглянуть на фотографию мистера Джона Стрэкера?

Инспектор извлек из кармана конверт и вынул оттуда фотографию.

— Дорогой Грегори, вы предупреждаете все мои желания! Если позволите, господа, я оставлю вас на минуту, мне нужно задать вопрос служанке Стрэкеров.

— Должен признаться, ваш лондонский советчик меня разочаровал, — с прямолинейной резкостью сказал полковник Росс, как только Холмс вышел из комнаты. — Не вижу, чтобы с его приезда дело подвинулось хоть на шаг.

— По крайней мере вам дали слово, что ваша лошадь будет бежать, — вмешался я.

— Слово-то мне дали, — пожал плечами полковник. — Я предпочел бы лошадь, а не слово.

Я открыл было рот, чтобы защитить своего друга, но в эту минуту он вернулся.

— Ну вот, господа, — заявил он. — Я готов ехать.

Один из конюхов отворил дверцу коляски. Холмс сел рядом со мной и вдруг перегнулся через борт и тронул конюха за рукав.

— У вас есть овцы, я вижу, — сказал он. — Кто за ними ходит?

— Я, сэр.

— Вы не замечали, с ними в последнее время ничего не случилось?

— Да нет, сэр, как будто ничего, только вот три начали хромать, сэр.

Холмс засмеялся, потирая руки, чем-то очень довольный.

— Неплохо придумано, Уотсон, очень неплохо! — Он незаметно подтолкнул меня локтем. — Грегори, позвольте рекомендовать вашему вниманию странную эпидемию, поразившую овец. Поехали.

Лицо полковника Росса по-прежнему отражало, какое невысокое мнение составил он о талантах моего друга, зато инспектор так и встрепенулся.

— Вы считаете это обстоятельство важным? — спросил он.

— Чрезвычайно важным.

— Есть еще какие-то моменты, на которые вы посоветовали бы мне обратить внимание?

— На странное поведение собаки в ночь преступления.

— Собаки? Но она никак себя не вела!

— Это-то и странно, — сказал Холмс.

Четыре дня спустя мы с Холмсом снова сидели в поезде, мчащемся в Винчестер, где должен был разыгрываться кубок Уэссекса. Полковник Росс ждал нас, как и было условлено, в

своем экипаже четверкой у вокзала на площади. Мы поехали за город, где был беговой круг. Полковник был мрачен, держался в высшей степени холодно.

— Никаких известий о моей лошади до сих пор нет, — заявил он.

— Надеюсь, вы ее узнаете, когда увидите?

Полковник вспыхнул:

— Я могу вам описать одну за другой всех лошадей, участвовавших в скачках за последние двадцать лет. Моего фаворита, с его отметиной на лбу и белым пятном на правой передней бабке, узнает каждый ребенок!

— А как ставки?

— Происходит что-то непонятное. Вчера ставили пятнадцать к одному, утром разрыв начал быстро сокращаться, не знаю, удержатся ли сейчас на трех к одному.

— Хм, — сказал Холмс, — сомнений нет, кто-то что-то пронюхал.

Коляска подъехала к ограде, окружающей главную трибуну. Я взял афишу и стал читать:

«ПРИЗ УЭССЕКСА

Жеребцы четырех и пяти лет. Дистанция 1 миля 5 ферлонгов. 50 фунтов подписных. Первый приз — 1000 фунтов. Второй приз — 300 фунтов. Третий приз — 200 фунтов.

1. Негр — владелец Хит Ньютон; наездник — красный шлем, песочный камзол.

2. Боксер — владелец полковник Уордлоу; наездник — оранжевый шлем, камзол васильковый, рукава черные.

3. Беспечный — владелец лорд Бэкуотер; наездник — шлем и рукава камзола желтые.

4. Серебряный — владелец полковник Росс; наездник — шлем черный, камзол красный.

5. Хрусталь — владелец герцог Балморал; наездник — шлем желтый, камзол черный с желтыми полосами.

6. Озорник — владелец лорд Синглфорд; наездник — шлем фиолетовый, рукава камзола черные».

— Мы вычеркнули Баярда, нашу вторую лошадь, которая должна была бежать, полагаясь на ваш совет, — сказал полковник. — Но что это? Фаворит сегодня Серебряный?

— Серебряный — пять к четырем! — неслось с трибун. — Серебряный — пять к четырем! Беспечный — пятнадцать к пяти! Все остальные — пять к четырем!

— Лошади на старте! — закричал я. — Смотрите, все шесть!

— Все шесть! Значит, Серебряный бежит! — воскликнул полковник в сильнейшем волнении. — Но я не вижу его. Моих цветов пока нет.

— Вышло только пятеро. Вот, наверное, он, — сказал я, и в эту минуту из пaddock крупной рысью выбежал великолепный гнедой жеребец и пронесся мимо нас. На наезднике были цвета полковника, известные всей Англии.

— Это не моя лошадь! — закричал полковник Росс. — На ней нет ни единого белого пятнышка! Объясните, что происходит, мистер Холмс!

— Посмотрим, как он возьмет, — невозмутимо сказал Холмс. Несколько минут он не отводил бинокля от глаз... — Прекрасно! Превосходный старт! — вдруг воскликнул он. — Вот они, смотрите, поворачивают!

Из коляски нам было хорошо видно, как лошади вышли на прямой участок круга. Они шли так кучно, что всех их, казалось, можно накрыть одной попоной, но вот на половине прямой желтый цвет лорда Бэкуотера вырвался вперед. Однако ярдах в тридцати от того места, где стояли мы, жеребец полковника обошел Беспечного и оказалась у финиша на целых шесть корпусов впереди. Хрусталь герцога Балморала с большим отрывом пришел третьим.

— Как бы там ни было, кубок мой, — прошептал полковник, проводя ладонью по глазам. — Убейте меня, если я хоть что-нибудь понимаю. Вам не кажется, мистер Холмс, что вы уже достаточно долго мистифицируете меня?

— Вы правы, полковник. Сейчас вы все узнаете. Пойдемте поглядим на лошадь все вместе. Вот он, — продолжал Холмс, входя в пaddock, куда впускали только владельцев лошадей и их друзей. — Стоит лишь потереть ему лоб и бабку спиртом, — и вы узнаете Серебряного.

— Что?!

— Ваша лошадь попала в руки мошенника, я нашел ее и взял на себя смелость выпустить на поле в том виде, как ее сюда доставили.

— Дорогой сэръ, вы совершили чудо! Лошадь в великолепной форме. Никогда в жизни она не шла так хорошо, как сегодня. Приношу вам тысячу извинений за то, что усомнился в вас.

Вы оказали мне величайшую услугу, вернув жеребца. Еще большую услугу вы мне окажете, если найдете убийцу Джона Стрэкера.

— Я его нашел, — спокойно сказал Холмс.

Полковник и я в изумлении раскрыли глаза.

— Нашли убийцу! Так где же он?

— Он здесь.

— Здесь! Где же?!

— В настоящую минуту я имею честь находиться в его обществе.

Полковник вспыхнул.

— Я понимаю, мистер Холмс, что многим обязан вам, но эти слова я могу воспринять только как чрезвычайно неудачную шутку или как оскорбление.

Холмс расхохотался.

— Ну что вы, полковник, у меня и в мыслях не было, что вы причастны к преступлению! Убийца собственной персоной стоит у вас за спиной.

Он шагнул вперед и положил руку на лоснящуюся холку скакуна.

— Убийца — лошадь! — в один голос вырвалось у нас с полковником.

— Да, лошадь. Но вину Серебряного смягчает то, что он совершил убийство из самозащиты и что Джон Стрэкер был совершенно недостоин вашего доверия... Но я слышу звонок. Отложим подробный рассказ до более подходящего момента. В следующем забеге я надеюсь немного выиграть.

Возвращаясь вечером того дня домой в купе пульмановского вагона, мы не заметили, как поезд привез нас в Лондон, — с таким интересом слушали мы с полковником рассказ о том, что произошло в дартмурских конюшнях в понедельник ночью и как Холмс разгадал тайну.

— Должен признаться, — говорил Холмс, — что все версии, которые я составил на основании газетных сообщений, оказались ошибочными. А ведь можно было даже исходя из них нащупать вехи, если бы не ворох подробностей, которые газеты спешили обрушить на головы читателей. Я приехал в Девоншир с уверенностью, что преступник — Фицрой Симпсон, хоть и понимал, что улики против него очень неубедительны. Только когда мы подъехали к домику Стрэкера, я осознал важность того обстоятельства, что на ужин в тот вечер была баранина под чесночным соусом. Вы, вероятно, помните мою рассеян-

ность — все вышли из коляски, а я продолжал сидеть, ничего не замечая. Так я был поражен, что чуть было не прошел мимо столь очевидной улики.

— Признаться, — прервал его полковник, — я и сейчас не понимаю, при чем здесь эта баранина.

— Она была первым звеном в цепочке моих рассуждений. Порошок опиума вовсе не безвкусен, а запах его не то чтобы неприятен, но достаточно силен. Если его подсыпать в пищу, человек сразу почувствует и скорее всего есть не станет. Чесночный соус — именно то, что может заглушить запах опиума. Вряд ли можно найти какую-нибудь зависимость между появлением Фицроя Симпсона в тех краях именно в тот вечер с бараниной под чесночным соусом на ужин в семействе Стрэкеров. Остается предположить, что он случайно захватил с собой в тот вечер порошок опиума. Но такая случайность относится уже к области чудес. Так что этот вариант исключен. Значит, Симпсон оказывается вне подозрений, но зато в центр внимания попадают Стрэкер и его жена — единственные люди, кто мог выбрать на ужин баранину с чесноком. Опиум подсыпали конюху прямо в тарелку, потому что все остальные обитатели Кингс-Пайленда ели то же самое блюдо без всяких последствий. Кто-то всыпал опиум, пока служанка не видела. Кто же? Тогда я вспомнил, что собака молчала в ту ночь. Как вы догадываетесь, эти два обстоятельства теснейшим образом связаны. Из рассказа о появлении Фицроя Симпсона в Кингс-Пайленде явствовало, что в конюшне есть собака, но она почему-то не залаяла и не разбудила спящих на сеновале конюхов, когда в конюшню кто-то вошел и увел лошадь. Несомненно, собака хорошо знала ночного гостя. Я уже был уверен — или, если хотите, почти уверен, — что ночью в конюшню вошел и увел Серебряного Джон Стрэкер. Но какая у него была цель? Явно бесчестная, иначе зачем ему было усыплять собственного помощника? Однако что он задумал? Этого я еще не понимал. Известно немало случаев, когда тренеры ставят большие суммы против своих же лошадей через подставных лиц и с помощью какого-нибудь мошенничества не дают им выиграть. Иногда они подкупают жокея, и тот придерживает лошадь, иногда прибегают к более хитрым и верным приемам. Что хотел сделать Стрэкер? Я надеялся, что содержимое его карманов поможет в этом разобраться. Так и случилось. Вы помните, конечно, тот странный нож, который нашли в руке убитого, нож, которым человек, находясь в здравом уме, никогда бы не восполь-

зовался в качестве оружия, будь то для защиты или для нападения. Это был, как подтвердил наш доктор Уотсон, хирургический инструмент для очень тонких операций. В ту ночь им и должны были проделать одну из таких операций. Вы, разумеется, полковник, знаете — ведь вы опытный лошажник, — что можно проколоть сухожилие на ноге лошади так искусно, что на коже не останется никаких следов. Лошадь после такой операции будет слегка хромать, а все припишут хромоту ревматизму или чрезмерным тренировкам, но никому и в голову не придет заподозрить здесь чей-то злой умысел.

— Негодяй! Мерзавец! — вскричал полковник.

— Почувствовав укол ножа, такой горячий жеребец, как Серебряный, взвился бы и разбудил своим криком и мертвого. Нужно было проделать операцию подальше от людей, вот почему Джон Стрэкер и увел Серебряного в поле.

— Я был слеп, как крот! — горячился полковник. — Ну конечно, для того-то ему и понадобилась свеча, для того-то он и зажигал спичку.

— Несомненно. А осмотр его вещей помог мне установить не только способ, которым он намеревался совершить преступление, но и причины, толкнувшие его на это. Вы, полковник, как человек, хорошо знающий жизнь, согласитесь со мной, что довольно странно носить у себя в бумажнике чужие счета. У всех нас хватает собственных забот. Из этого я заключил, что Стрэкер вел двойную жизнь. Счет показал, что в деле замешана женщина, вкусы которой требуют денег. Как ни щедро вы платите своим слугам, полковник, трудно представить, чтобы они могли платить по двадцать гиней за туалет своей любовницы. Я незаметно расспросил миссис Стрэкер об этом платье и, удостоверившись, что она его в глаза не видела, записал адрес портнихи. Я был уверен, что, когда покажу ей фотографию Стрэкера, таинственный Дербишир развеется как дым. Теперь уже клубок стал разматываться легко. Стрэкер завел лошадь в овраг, чтобы огня свечи не было видно. Симпсон, убегая, потерял галстук, Стрэкер увидел его и для чего-то подобрал, может быть, хотел завязать лошади ногу. Спустившись в овраг, он чиркнул спичкой за крупом лошади, но, испуганное внезапной вспышкой, животное, почувствовавшее к тому же опасность, рванулось прочь и случайно ударило Стрэкера копытом в лоб. Стрэкер, несмотря на дождь, уже успел снять плащ — операция ведь предстояла тонкая. Падая от удара, он поранил себе бедро. Мой рассказ убедителен?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Скандал в Богемии. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	7
Союз рыжих. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	29
Установление личности. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	51
Тайна Боскомской долины. <i>Перевод В. Бабкова</i>	67
Пять апельсиновых зернышек. <i>Перевод Н. Войтинской</i>	90
Человек с рассеченной губой. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	108
Голубой карбункул. <i>Перевод М. Чуковской</i>	129
Пестрая лента. <i>Перевод М. Чуковской</i>	147
Палец инженера. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	170
Знатный холостяк. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	189
Берилловая диадема. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	210
«Медные буки». <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	232

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Серебряный. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	257
Желтое лицо. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	280
Приключения клерка. <i>Перевод В. Бабкова</i>	298
«Глория Скотт». <i>Перевод Г. Любимовой</i>	315
Обряд дома Месгрейвов. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	332
Рейгетские сквайры. <i>Перевод К. Савельева</i>	351
Горбун. <i>Перевод К. Савельева</i>	370
Постоянный пациент. <i>Перевод К. Савельева</i>	387
Случай с переводчиком. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	405
Морской договор. <i>Перевод К. Савельева</i>	423
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	455